

Вскоре первая порция острого жареного риса с картофелем дымилась на выдаче.

Картофель, золотистый и хрустящий снаружи, был щедро посыпан молотым перцем чили и зирой, блестел от масла и источал пряный аромат. Рис, рассыпчатый, зернышко к зернышку, пропитался острым маслом чили, которое придало ему насыщенный блеск и густой, жгучий аромат, бьющий прямо в нос!

Среди риса виднелись кусочки копченой колбасы сочного соевого цвета, зеленый лук, а сверху все было щедро посыпано белым кунжутом, контрастирующим с пропитанным маслом чили хрустящим картофелем и рисом...

С того момента, как рис попал в вок, в начале очереди не прекращались возгласы изумления. Цзянь Юньлань готовил быстро, большой вок вмещал сразу три порции, так что вскоре шесть-семь человек уже наслаждались едой.

А те, кто стоял дальше, и уж тем более те, кто пришел слишком поздно и вовсе не попал в очередь, могли лишь с завистью смотреть на счастливых, нетерпеливо вытягивая шею в надежде, что и им достанется порция этого жареного риса.

В эту осеннюю, сырую и прохладную погоду не было ничего лучше, чем укрыться под навесом и съесть тарелку этого горячего, острого жареного риса!

- Фух-фух, как остро! И как вкусно!

- Я впервые пробую острый жареный рис, не думал, что это так вкусно~ У соуса чили такой необычный вкус, ароматный и жгучий, чем больше ешь, тем больше затягивает!

- Этот картофель - просто нечто! В жизни не ел такой вкусной картошки!

- Я бы один три порции умял, хе-хе...

В начале очереди стояли в основном студенты Пекинского университета. Как и Нин Шэн, многие приехали на первом метро, прождав три-четыре часа.

Но все, кто попробовал рис, в один голос поднимали большие пальцы вверх и восхищались: стоило того!

Ради такого вкусного жареного риса стоило ждать не то что три-четыре, а хоть тридцать-сорок часов!

Стоявший в середине очереди Гу Синчжоу слышал доносящиеся спереди возгласы восторга и счастливый смех, и в его темных глазах мелькнуло презрение.

Толпа неотесанных обывателей.

Он, Гу Синчжоу, пробовал самый вкусный жареный рис в мире.

- Не какой-нибудь рис из ресторана с тремя звездами Мишлен, и не хваленый рис из ресторана "Тан Янь", а ту тарелку свежеприготовленного жареного риса с яйцом, которую ему протянули, когда он был на самом дне.

Причина, по которой он стоял здесь сегодня в очереди, была лишь в том, что "неудачи" последних дней пробудили его любопытство.

Ему нужно было убедиться.

Убедиться... что жареный рис А-Шэна - лучший в мире. Он не допускал ни малейших сомнений в своем сердце.

Гу Синчжоу смотрел на толпу перед собой сверху вниз, в его глазах сверкали уверенность и высокомерие, каждое его движение излучало неоспоримый авторитет.

В этот момент человек перед ним, только что получивший рис, воскликнул:

- Ай, я пролил напиток! У кого-нибудь есть салфетки?

Гу Синчжоу с невероятной сноровкой вытащил салфетки, на его лице появилась искренняя рабочая улыбка:

- Минуточку, у меня есть салфетки, сейчас вам дам~

Едва произнеся это, Гу Синчжоу застыл с застывшей улыбкой:

- ...

Эта проклятая мышечная память!

Человек уже взял салфетки и с благодарностью сказал:

- Спасибо, вы такой добрый молодой человек.

Гу Синчжоу почувствовал тепло в груди.

...Чему он, черт возьми, радуется?!

Вскоре очередь дошла до Гу Синчжоу.

- Мне порцию жареного риса, - Гу Синчжоу засунул руки в карманы, выражение лица было надменным, а в голосе звучала едва заметная усмешка. - Мужчина, даю тебе шанс. Постарайся угодить мне.

Окружающие:

- ???

У этого парня явно что-то не так с головой.

Но Гу Синчжоу нисколько не смутился. Ему было интересно посмотреть, что же это за жареный рис, который все так расхваливают, действительно ли он так хорош, как говорят.

Ему ведь очень трудно угодить.

Об этом могли бы многое рассказать личные повара семьи Гу, которых последние несколько дней дергали посреди ночи готовить жареный рис. Господин Гу в последнее время словно с цепи сорвался: не только нарушал все процедуры, но и стал требовать самых странных добавок - то лимон, то лучшую кантонскую копченую колбасу. Но каждый раз, попробовав всего ложку, господин Гу швырял тарелку и ругался: "Хуже, чем уличная еда!"

Личные повара семьи Гу страдали молча.

Цзянь Юньлань всегда относился ко всем одинаково. Каким бы ни был клиент, какими бы ни были его требования, он старался сделать все наилучшим образом. Даже на такое нелепое требование Гу Синчжоу он лишь улыбнулся и сказал:

- Хорошо, клиент. Пятьдесят пять юаней.

Гу Синчжоу нахмурился:

- У всех по пятьдесят, почему у меня дороже?

Цзянь Юньлань:

- За моральный ущерб.

- ...

Гу Синчжоу, кипя от злости, отсканировал код и перевел деньги.

Цзянь Юньлань привычно налил масла, бросил чеснок, картофель, рис. Как только он добавил острое масло чили, из раскаленного вока повалил белый пар.

Дождь постепенно усиливался, стало отчетливо слышно, как капли барабанят по брезентовому навесу. Подул холодный ветер. Надо сказать, в такую погоду было довольно уютно стоять у оживленного ларька, смотреть, как шипит и пузырится масло в воке, и вдыхать густой пряный аромат картофельного жареного риса.

Через несколько минут тарелка дымящегося острого жареного риса с картофелем оказалась в руках Гу Синчжоу.

Рис, пропитанный острым маслом, блестел, рассыпчатый и в то же время сочный, насыщенного красноватого цвета, а посыпка из белого кунжута делала его еще аппетитнее. Нарезанный кубиками картофель был идеально обжарен - золотистый, с чуть поджаристой корочкой, покрытый порошком чили, источающий аромат зиры, равномерно перемешанный с рисом и копченой колбасой...

Гу Синчжоу невольно сглотнул.

Два дня. Целых два дня.

С той ночи на рынке, стоило ему закрыть глаза, перед ним возникал сверкающий под светом ламп жареный рис.

И вот теперь эта полная до краев тарелка оказалась у него в руках.

Гу Синчжоу с трудом сдерживал себя, чтобы сохранить элегантность и приличие. Нетерпеливо схватив ложку, он зачерпнул полную ложку риса...

- Как остро!

Гу Синчжоу не смог сдержать возглас. Остро, даже острее, чем он ожидал. К тому же рис был обжигающе горячим, только что с вока. Он обжегся и судорожно втянул воздух пару раз.

Остро, но...

Невероятно вкусно!

Красноватый рис полностью впитал острое масло, а ароматный жир из копченой колбасы во время жарки проник в каждую рисинку, смешавшись с зеленым луком и белым кунжутом. При каждом укусе рис ощущался упругим, мягким, но пружинящим, чувствовались кусочки колбасы с хрустящей корочкой и нежной серединкой. Острое масло растекалось во рту при жевании, мгновенно заполняя все вокруг этим восхитительным, сводящим с ума жгучим вкусом.

Гу Синчжоу шипел от остроты, но был безмерно доволен.

А главной изюминкой был картофель.

Каждый кусочек пропитался пряным вкусом соуса, сдобренным насыщенной остротой зиры, и ярко выделялся среди горячего риса. Поджаристая до пузырьков корочка картофеля была хрустящей, но внутри он был мягким и нежным. Каждый укус дарил невероятное наслаждение текстурой - картофель таял во рту, смешиваясь с острым рисом и даря неповторимое удовлетворение от углеводов.

Откусив всего один раз, Гу Синчжоу был потрясен. Даже он, человек благородного происхождения, перепробовавший всевозможные деликатесы, никогда не ел такого изумительного картофеля. Он всегда считал, что суть кулинарии - в поиске самых дорогих ингредиентов, таких как морское ушко, ласточкины гнезда, омары, и сохранении их естественного вкуса.

Гу Синчжоу никогда не думал, что его так поразит обычный уличный острый жареный рис с картофелем.

Казалось... после такой тарелки риса жизнь уже никогда не будет прежней.

Гу Синчжоу, держа тарелку, ел жадно, совершенно забыв о своем обычном имидже властного президента. От остроты его лицо покраснело, а на кончике носа выступили капельки пота.

Он ел большими ложками, но жевал тщательно, даже немного жалея глотать, потому что было слишком вкусно, слишком приятно. Хотелось продлить это счастье еще немного, еще чуть-чуть.

Этот жареный рис был слишком хорош.

Человеческое обоняние и вкус тесно связаны с памятью. Когда ешь что-то настолько вкусное после долгого перерыва, пробуждаются давно забытые воспоминания, спрятанные в укромных уголках души.

Словно в тумане, Гу Синчжоу увидел мать.

Это было вскоре после того, как она заболела. Обычное утро, за окном лил дождь, по телевизору шел мультфильм про Черного Кота-сыщика. Отец грел ему молоко, а мама стояла у плиты и так же жарила простой рис.

Они сидели за столом втроем, потели от остроты, постоянно обдувая рты. Отец обнял его, громко смеясь, и вытер пот со лба. Гу Синчжоу до сих пор помнил тот пряный, насыщенный вкус жареного риса и маму... Мама с улыбкой протянула руку, щелкнула его по носу и сказала:

- Ах ты, мой маленький обжора, каждый день просишь жареный рис. Мама приготовила, так что не вздумай оставлять.

Тогда за окном тоже лил непрекращающийся дождь, но Гу Синчжоу совсем не чувствовал холода, наоборот, ему было тепло и уютно. словно его кто-то нежно обнимал, была опора, плечо, на которое можно было положиться. Не нужно было ни о чем думать, просто быть беззаботным ребенком, уплетать вкусный рис ложку за ложкой, проглатывая вместе с ним всю грусть, тревогу и растерянность.

Такое тепло, спустя десятки лет после смерти матери, он испытал еще раз. Всего один раз, но он запомнил его навсегда.

Это было тогда, когда его выгнали из дома, когда он был в отчаянии, промокший до нитки под дождем, дрожа от холода. В том темном переулке зажегся свет, маленький мальчик затащил его в узкое, но теплое помещение, дал полотенце и тарелку горячего, золотистого, блестящего от масла жареного риса.

Тот рис, возможно, и не был таким уж вкусным, но он навсегда остался в его памяти как обжигающее, согревающее тепло, даже немного горячее, так, что сердце трепетало.

"Ты должен использовать любые средства, не считаясь с последствиями, чтобы удержать это пламя, заставить его гореть только для тебя".

Подул ветер, и Гу Синчжоу снова услышал в ушах тот голос. В его сознании возникла книга, страницы которой шелестели на ветру. На обложке отчетливо виднелись четыре иероглифа: "Безраздельная Одержимость".

"Пора устроить ему темницу!"

"Будь еще одержимее, как может злодей быть таким мягкотелым!"

"Некоторые говорят, что это слишком жестоко, но на самом деле им это нравится..."

Резко раздались разнообразные, пронзительные голоса.

Гу Синчжоу, словно марионетка, движимый этой неведомой высшей волей, снова и снова толкал Нин Шэна в пропасть, делая ситуацию непоправимой.

Он так жалел, так сожалел.

Падая вместе с Нин Шэном в эту пропасть раз за разом, Гу Синчжоу бесчисленное количество раз мечтал, что если бы не эта высшая воля, возможно, их финал не был бы таким кровавым, покрытым шрамами.

Но в тот день тонкая паутинка удержала его.

...Как тепло.

Тепло во рту, аромат жареного риса - все это заставило застывшую кровь снова побежать по жилам.

Гу Синчжоу думал, что больше никогда не почувствует такого тепла.

Нин Шэн больше не смотрел на него, а когда его заставляли взглянуть, в глазах читались лишь отвращение и ненависть. Но Гу Синчжоу всего лишь хотел еще раз поесть того жареного риса с яйцом. Такое простое желание, но какой долгий и извилистый путь пришлось пройти.

До сегодняшнего дня. До того, как этот ливень, длившийся более двадцати лет, снова пошел. И вот здесь, у этого простого, даже примитивного уличного ларька, в окружении шумной толпы, этот слишком молодой на вид торговец одним взмахом лопатки воплотил его многолетнюю одержимость, заключив ее в этой тарелке маслянистого острого жареного риса с картофелем.

Глаза Гу Синчжоу защипало. Он низко склонил голову над тарелкой, ощущая легкую горечь во рту.

Ведь так вкусно.

Но почему же он плачет?

Внезапно в небе гроыхнуло, раскаты грома прокатились один за другим, и дождь хлынул с новой силой.

Повсюду раздались возгласы:

- Ой, все скорее прячьтесь от дождя!

- Там под козырьком можно укрыться, и под этим навесом тоже неплохо!

- Спасайте рис! Ни в коем случае не дайте ему промокнуть!

В толпе тут же началась суматоха. Все с удивительной слаженностью крепко прижимали рис к груди и искали укрытие.

Дождь изрядно потрепал всех. Челки прилипли ко лбам, с капюшонов толстовок капала вода. Кто-то закатал штанины, бережно прижимая рис к себе и пытаясь отжать воду с рукавов. Кто-то ругался, но при этом быстро запихивал рис в рот, выглядя комично. Кто-то с тоской смотрел вдаль, на ларек под навесом, окруженный людьми, прячущимися от дождя, где Цзянь Юньлань все еще жарил очередную порцию риса.

Люди смотрели друг на друга. Никто из них не выглядел сейчас солидным взрослым, скорее - стайкой промокших до нитки, жалких детишек, которые тайком от родителей сбежали поесть уличной еды и попали под ливень.

Они переглядывались, не могли сдержать смех и поддразнивали друг друга:

- Ха-ха-ха, у тебя рис на щеке прилип!

- Ты еще меня упрекаешь! Сам весь красный от остроты, да еще и промок как курица!

- Ради риса хозяина Цзяня стоило того!

Все схватились за животы от смеха.

Столько времени их терзали общество и работа, так давно они так искренне и весело не смеялись и не дурачились.

Как только начался ливень, Гу Синчжоу мгновенно среагировал: рис! Его с таким трудом добытый рис! Он ни за что не позволит этому проклятому дождю его испортить!

Гу Синчжоу очнулся от своих мыслей. Ему показалось, что он снова заглянул в ту давно запертую тайну, но не смог разглядеть ее четко.

Но защита риса - важнее всего.

Гу Синчжоу решительно закрыл коробку с едой, сунул ее под куртку, застегнул молнию, согнулся, прикрывая драгоценный груз, и побежал к ближайшему навесу, где уже укрывались люди.

Рядом человек в дождевике двигался точно так же, бережно защищая рис у себя на груди. Люди сбились в кучки по три-пять человек, помогая друг другу. По пути Гу Синчжоу случайно наступил в лужу, но кто-то рядом схватил его за руку и вытащил.

Едва добравшись до навеса, все первым делом бросились не отжимать мокрую одежду и не вытирать лица и руки, а...

Проверять рис!

Увидев, что рис цел и невредим, хорошо защищен, и ни одна капля дождя не попала внутрь, Гу Синчжоу с облегчением выдохнул.

Человек рядом тоже облегченно вздохнул - очевидно, его рис тоже уцелел.

Гу Синчжоу, не обращая внимания на мокрые штанины, тут же открыл коробку, зачерпнул полную ложку риса и с довольным вздохом отправил ее в рот.

В такой ливень, теснясь с незнакомцами под узким навесом, при свете тусклой лампочки, они словно были отрезаны от всего остального шумного мира.

Под этим навесом им не нужно было думать о работе или каких-то мелочах, нужно было лишь с блаженством наслаждаться горячим жареным рисом. Они потели от остроты, время от времени шипели, но каждый укус был невероятно вкусным и приносил удовлетворение...

Кайф!

Гу Синчжоу, жадно жуя рис, протянул салфетку стоявшему рядом:

- Спасибо, брат. Если бы ты меня не вытащил, мой рис бы погиб. Ты мой спаситель. Как тебя зовут?

Тот взял салфетку, вытер пот со лба и, жуя рис, невнятно пробормотал:

- Не стоит благодарности, пустяки. Все мы друзья, о чем речь. Меня зовут Нин Шэн, а тебя?

Гу Синчжоу, уткнувшись в тарелку с рисом, не поднимая головы, ответил:

- Моя скромная фамилия Гу, Гу Синчжоу.

Нин Шэн:

- ...

Гу Синчжоу:

- ...

Оба резко подняли головы и встретились взглядами.

У Нин Шэна к уголку рта прилипла рисинка, губы были измазаны ярко-красным острым маслом, а во взгляде читалась растерянность чистого студента колледжа;

Щеки Гу Синчжоу были набиты рисом, его жевательные движения постепенно замедлились и замерли, и он не удержался от сытой отрыжки;

Нин Шэн:

-

Гу Синчжоу:

-

Стоп.

Как неловко-то! Что делать?!

*

"Спасите-помогите-спасите-помогите".

Мозг Нин Шэна бешено заработал, но чем больше он думал, тем больше запутывался, словно в голове завязался мертвый узел, и никакого решения не находилось.

Почему Гу Синчжоу здесь? Почему они прячутся от дождя под одним навесом? И самое главное, почему... он тоже ест жареный рис?

Этот человек перед ним, с набитыми рисом щеками, уплетающий еду без всякого приличия и постоянно отрыгивающий...

Это тот самый мрачный, одержимый, решительный и безжалостный президент корпорации Юаньчжоу Гу Синчжоу?

Это тот самый Гу Синчжоу, который, когда сходил с ума, был способен на все - мог приковать его наручниками в комнате на четыре-пять дней, не отпуская, и всегда поступал непредсказуемо?

Это тот самый Гу Синчжоу, который мучил его так долго, постоянно появлялся в его кошмарах и при одном воспоминании о котором его раньше охватывали страх, тошнота и рвота???

Лицо Нин Шэна было абсолютно пустым.

Казалось, этот мир... дал сбой.

"Вот черт, вот черт, вот черт, вот черт".

Мозг Гу Синчжоу синхронно завис. Рот все еще механически пережевывал рис. Он засунул в рот слишком большой кусок, и ему потребовалось некоторое время, чтобы его проглотить.

И вот, он снова не удержался от отрыжки с ароматом острого картофеля:

- Ик.

Вкусно.

...Но не это главное!

Главное - почему Нин Шэн здесь? Почему он с ним под одним навесом прячется от дождя? И самое главное, почему... Нин Шэн тоже ест жареный рис?!

Гу Синчжоу нанимал столько элитных поваров, собирал со всего мира деликатесы и подносил их Нин Шэну, но тот всегда холодно отводил взгляд, даже не смотрел на них.

Этот человек перед ним, с рисинкой у уголка рта, со смешно размазанным по губам ярко-красным острым маслом...

Это тот самый холодный, упрямый, неприступный, как горная вершина, гений Пекинского университета Нин Шэн?

Это тот самый равнодушный и прекрасный, словно глыба льда, которую невозможно растопить, Нин Шэн, которого нельзя было сломить ни деньгами, ни властью, ни угрозами, ни соблазнами??

Это тот самый Нин Шэн, о котором Гу Синчжоу грезил годами, строил планы и ждал момента, чтобы навсегда заточить рядом с собой, чтобы эти холодные глаза всегда с жаром смотрели только на него одного... Нин Шэн???

Лицо Гу Синчжоу тоже было абсолютно пустым.

Определенно что-то не так!

Их встреча не должна была быть такой!

Они должны были встретиться в каком-нибудь дорогом ресторане западной кухни или в сыром, поросшем мхом переулке под дождем. Эта внезапная встреча должна была быть горько-сладкой, волнующей, но невероятно мучительной, полной сексуального напряжения.

Нин Шэн, возможно, был бы в белой рубашке, подчеркивающей его худощавую, но потрясающе красивую фигуру, с покрасневшими уголками глаз, растерянно отводящий взгляд; а Гу Синчжоу - в костюме от кутюр, с обсидиановыми запонками, сверкающими на запястьях. Взгляд Гу Синчжоу должен был быть тяжелым, губы плотно сжаты, в глазах - три доли холодности, три доли насмешки и четыре доли безразличия...

Гу Синчжоу должен был крепко схватить Нин Шэна за запястье, заставляя его смотреть прямо в глаза; глаза Гу Синчжоу должны были покраснеть, а собственнический инстинкт в его взгляде - переливаться через край, грозя поглотить Нин Шэна целиком;

После бурного взаимодействия, которое нельзя описывать, они бы переместились в другое место и занялись бы тем, о чем сайты запрещают писать. На следующее утро они бы проснулись в большой растрепанной постели, Гу Синчжоу бы лениво закурил сигарету, а Нин Шэн бы униженно отвел взгляд.

Но все это...

Ничего! Из этого! Не произошло!

В любом случае, их встреча не должна была быть такой! Не у этого шумного уличного ларька! В руках у них не должно было быть по порции острого жареного риса с картофелем! И они не должны были так радостно его жевать и отрывивать...

Почему властный президент и холодный красавец вообще должны отрывивать?

Все рухнуло. Все полетело к чертям.

Гу Синчжоу невидящим взглядом уставился вдаль, на Цзянь Юньланя под навесом, который под ожидающими взглядами толпы невероятно умело орудовал лопаткой, излучая святое сияние бога жареного риса.

Этот грешный мужчина. Источник всего этого хаоса.

Жареный рис Цзянь Юньланя - вот корень зла!

Но как они могли винить его? Ведь это был Цзянь Юньлань, человек, приготовивший жареный рис, такой вкусный, что сердце разрывалось. Разве он мог быть виноват? Если кто и виноват, то это мир... нет, это человек напротив.

Мысли Гу Синчжоу и Нин Шэна поразительно совпали:

Это не вина хозяина Цзяня, это вина Нин Шэна/Гу Синчжоу!

"Какое право он имеет прикасаться к такому вкусному жареному рису? Разве он достоин?" - с недоверием подумал Нин Шэн.

"Почему он тоже полюбил жареный рис хозяина Цзяня? Его и так трудно купить!" - с горечью подумал Гу Синчжоу.

Они молча смотрели друг на друга.

В их головах проносились тысячи язвительных комментариев, адресованных предкам друг друга, но в реальности никто не произнес ни слова.

Полминуты спустя.

Гу Синчжоу глубоко вздохнул и, поколебавшись, указал на рис:

- Может, сначала доедим рис?... А то остынет.

Такой вкусный рис, который они так бережно защищали, не позволяя ни одной капле дождя упасть на него, - если он остынет, это будет просто кошунство!

Нин Шэн не ответил, повернулся спиной, прижимая рис, и молча принялся есть. Он оставил Гу Синчжоу смотреть на свою холодную, но прожорливую спину.

Гу Синчжоу вздохнул и тоже опустил голову, продолжая есть рис ложку за ложкой.

Он думал, что после такого драматического поворота событий, будучи поглощенным своими мыслями, рис покажется ему безвкусным и совсем не ароматным.

Но все оказалось наоборот.

...Хотя реальность нанесла ему сокрушительный удар, рис все еще был чертовски ароматным!

Полные рисинки, зернышко к зернышку, пропитанные острым маслом. Рис уже не был обжигающе горячим, но пряный, освежающий вкус никуда не делся. А хрустящий золотистый картофель, слегка остыв, стал даже вкуснее, приобретя особый аромат. Он таял во рту и вместе с упругой копченой колбасой создавал совершенно новую, удивительную текстуру.

Черт возьми, почему так вкусно, у-у-у!

<http://bllate.org/book/17919/1716729>